

Brandner, Aleš

[Баранов, В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2004, vol. 53, iss. A52, pp. 202-206

ISBN 80-210-3419-X

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101214>

Access Date: 27. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ukrajinského) ze strany druhé. Průkazně je tak předestřen obraz formování ruštiny jako dvouvrstevného spisovného jazyka s církevněslovanským dědictvím jako „materiálovou zásobárnou“.

Tento vývoj sleduje strukturální přestavby v modelu kultury a autor se při jeho popisu (stejně jako na mnoha dalších místech práce) snaží důsledně aplikovat princip opozic. Jako rozhodující etapy autor vyděluje Lomonosovovu kodifikaci „tří stylů“, Karamzinovu „funkční“ reformu a emancipaci básnického jazyka v Puškinově tvorbě. V závěru je stručně pojednáno o jazykové situaci v období „sovětského“ vývoje ruské společnosti.

V závěru kapitoly autor resumuje cestu, kterou pozorný čtenář prošel (*K celkové charakteristice spisovné ruštiny*, s. 395–402), a celkový obraz vývoje a novodobého stavu ruštiny dokresluje rámcovým pojednáním o její slovní zásobě.

Práci doplňují pečlivě zpracované materiálové přílohy: přehled staroruských a staroslověnských jmenných a slovesných paradigmat, fotoreprodukce vybraných písemných památek, ukázky spektrogramů některých ruských hlásek a přehledně tematicky členěná výběrová bibliografie. Volnou součástí příloh jsou také dvě dnes již klasické dialektologické mapy.

Pro lepší počáteční orientaci v netriviálních teoretických výkladech je u této knihy zvlášť důležité nepodlehnout pokušení ignorovat její úvodní části, a to jak zasvěcenou předmluvu vědecké editorky Zdeny Skoumalové, tak především dva původní úvody samotného autora (první se vztahuje k rukopisu původní nevydané kolektivní monografie), které mj. obsahují i pokyny, jak při čtení knihy postupovat, aby z ní měl čtenář co nejlepší užitek.

S vnímáním výkladu je na počátku spojeno určité nepohodlí, které vzniklo mj. v důsledku naléhání původního nakladatele na výraznou redukci textu: autor nakonec volil systém vysoce frekventovaných zkratk a poměrně sevřenou stylizaci s četnými kondenzovanými útvary, vsuvkami a závorkami. Nejen z tohoto důvodu kniha není snadným čtením. Za trpělivost a soustředěnou pozornost však odmění každého, kdo se při studiu ruštiny nechce spokojit jen s běžnými, často převážně deskriptivně a synchronně pojatými učebními texty.

Po přečtení knihy může zasvěcený čtenář jen litovat toho, že původní takřka encyklopedický záměr projektu, který sliboval v naší odborné literatuře první soustavné zpracování ruštiny v celé její šíři, zůstal neuskutečněn. Citelná je zejména lakuna týkající se syntaxe současné ruštiny. Na této pasáži léta usilovně pracoval Leškův brněnský kolega a znamenitý syntaktik Roman Mrázek, jemuž v samostatném vydání jeho části práce v r. 1989 rovněž zabránila smrt. Tento fakt ovšem nijak nesnižuje hodnotu recenzovaného díla. Naopak, Leška se své části grandiózního úkolu zhostil více než se ctí, a to takovým způsobem, že se mu do značné míry dokonce podařilo negativní dopady nepřívětivého administrativního rozhodnutí citelně zmírnit a vytvořit obsahově i formálně kompaktní strukturalistické dílo zásadního významu, které bude zásadním pramenem poznatků pro několik dalších generací seriózních zájemců o hluboké a všestranné poznání ruštiny od jejích pramenů až do jejího stavu ve druhé polovině 20. století; dílo, které ve svém oboru patrně dlouho nebude překonáno.

Jiří Gazda

Баранов, В. А.: *Формирование определительных категорий в истории русского языка*. Казань, Изд-во Казанского государственного университета, 2003, 390 с. ISBN 5–7464–0768–2

Настоящая монография посвящена исследованию определительных категорий в русском языке на материале служебных миней XI–XIV вв. Ее автором является доктор филологических наук Виктор Аркадьевич Баранов, профессор Удмуртского гос. университета в г. Ижевск. В центре его внимания – проблема становления имени прилагательного и субстан-

тивата как специализированных лексико-грамматических классов, а также проблема формирования группы определительных наречий в начальный письменный период.

Традиционно принято считать, что тексты конфессионального характера не подвергаются значительному лексическому и грамматическому изменению в процессе бытования. В *"Введении"* (с. 5–26), однако, напоминает, что древнейшие памятники церковно-книжного языка являются ценнейшим источником для изучения формирования норм русского языка. Практически в любой лингвистической работе, посвященной проблемам развития русского языка, в большей или меньшей мере привлекаются данные богослужебных рукописей; наиболее подробно изучены древнерусские евангельские рукописи, занимающие первое место по количеству дошедших до нашего времени экземпляров, далее служебные минеи, которые занимают второе место. Автором рецензируемой монографии подчеркивается недооценка этих текстов; изменения на всех уровнях в них происходили медленно, в силу священности жанра, являются показательными с точки зрения отражения в них активно развивающихся в русском языке грамматических категорий. Таким образом, исследование посвящено формирующимся в древнерусском языке грамматическим категориям имени прилагательного, субстантивата и наречия. Объектом анализа послужили формы нечленных и членных характеристик имен, функционирующие в древнейших славянских памятниках в качестве приемных и приглагольных определителей, а также в независимом употреблении. Особого внимания среди всех памятников (т. е. новгородских служебных миней XI–XIV вв.) заслуживает Путятин минея, древнейшая из всех сохранившихся русских миней, проявляющаяся в отражении архаичного состояния определительного звена морфологической системы. Помимо того, для исследования были привлечены также данные некоторых древнейших русских и старославянских рукописей.

Одним из центральных вопросов в исторической грамматике русского языка является становление имени прилагательного как особого лексикограмматического класса. Анализируемые тексты отражают грамматическую систему XI–XIV вв., т. е. периода, когда ее состав только формировался и как в частностях, так и в целом представлял иную, во многом отличающуюся от современной системы. В первой главе работы (*"Первичное нерасчлененное имя как категориальная синкрета"*, с. 27–77) рассматривается становление имени прилагательного как части речи и одновременно неразрывная с ним проблема возникновения и формирования существительных местоименного склонения – субстантиватов. Данную проблематику можно, однако, понять только в исторической перспективе. Поэтому значительное место в исследовании занимает восстановление дописьменного этапа развития определительных имен на основе имеющихся в сравнительно-историческом и типологическом языкознании данных, соотносимых с фактами старославянского и древнерусского языков. При этом автор основывается на положении, что древнерусский язык, в отличие от современного, синкретичен и синтагматичен. Под грамматической синкретой нужно понимать ряд форм, имеющих идентичный смысл и выполняющих в синтагме различную синтаксическую функцию. Синтагматический фактор был одним из основных факторов, определяющих и направляющих процесс дифференциации существительного и прилагательного. В настоящей главе подчеркивается факт, что исходной категорией для формирования субстантивов и имен прилагательных является нерасчлененное имя, грамматическая дифференциация которого началась в конце праславянского периода. В качестве первичных нерасчлененных имен выступали образования с суффиксами *-ън-* (для образования прилагательных) и *-ен-* (для образования причастий; в цслав. памятниках засвидетельствованы написания с *-ънъ-* вместо с *-н-*, видимо, вследствие смешения страдательных причастий на *-нъ* и прилагательных на *-нънъ*). Решается также вопрос о синкретизме притяжательных имен:

только в более позднее время в древнерусском языке происходит активизация родительного принадлежности (аналогичного греческому) и вытеснение атрибутивного прилагательного зависимым существительным.

Во второй главе („*Формирование категорий субстантивата и имени прилагательного в русском языке*“, с. 78–155) анализируется проблема возникновения членных форм в русском языке и функциональной значимости члена. Этот вопрос стал предметом большого количества специальных исследований. В настоящей главе толкуются мнения по поводу изучения членных и нечленных форм. Присоединение члена к имени произошло еще в доисторическую эпоху. Исходя из гипотезы В. М. Маркова о первоначальной субстанциональности членных образований, автор предлагаемой монографии констатирует, что исконно член осложнял не прилагательное, а синкретичное имя. Постепенно член стал средством формализации отношений между компонентами сочетания; член являлся грамматическим актуализатором отношений. Основу активного нарастания процесса образования членных адъективных форм можно усматривать в размежевании двух развивающихся категорий – категории субстантиватов и категории имен прилагательных. Далее здесь обращается внимание на то, что местоименные формы уже в древнейшую пору стали формами прилагательных по преимуществу и все более решительно вытесняли нечленные, краткие формы. На основании материала служебных миней, в которых от XI к XIV в. значительно возрастал процент употреблений членных форм, автор приходит к заключению, что процесс оформления прилагательного как части речи происходил в русском языке уже в дописьменный период. Подчеркивается также то обстоятельство, что на всем протяжении истории русского языка существовала отчетливая предикативность нечленной формы вне зависимости от позиции в противовес атрибутивности членной формы. Функционально-грамматическое обособление нечленных форм создало таким образом основу грамматикализации именного предиката. Далее описывается позиционное распределение именных и членных форм на материале, полученном из служебных миней. Проведенный автором анализ количественных данных об их употребительности в различных позициях показал, что традиционное представление о все большей прикрепленности членных форм к препозиции, именных – к постпозиции во многом не соответствует реальному положению дел в книжно-литературных текстах. При окончательной специализации адъективов, субстантиватов и предикативов важную роль стала играть глагольная связка. Наконец, автор приходит к выводу, что дифференциация нечленной синкреты на имя существительное (ср. *благо*), членное имя прилагательное (ср. *благое дьло*), субстантиват (ср. *благое*) и нечленный предикатив (ср. *благъ еси*) обусловлена взаимодействием разнородных факторов логико-понятийного, лексико-семантического, формально-грамматического, синтагматического, словообразовательного характера.

Свидетельством об окончательно сформировавшейся категории имени прилагательного является увеличение количества наречий в тексте и языке в целом. Этому посвящена третья глава („*Развитие приглагольных определителей как свидетельство формирования специализированных лексико-грамматических классов слов-атрибутов*“, с. 156–261), которая есть самой содержательной. В начале, в качестве предварительных замечаний, подчеркивается, что в истории русского языка наречие традиционно как категория, представляющая интерес в первую очередь с точки зрения словообразования. Затем представлены взгляды крупных ученых-лингвистов на происхождение наречий. После этого перечисляются имеющиеся вопросы, требующие еще своего осмысления. Изучив тексты служебных миней, автор регистрирует в них изменения употребительности наречий, а именно наречий на *-о* и *-ль*, представляющих наиболее активный и продуктивный способ их образования на базе имен-

ных форм прилагательных, далее наречий на *-ски*, возникших от формы тв. п. мн. ч. именного прилагательного с суффиксом *-ьск-* (ср. *латиньскы, русьскы, братьскы* ...). Если у первых наблюдается постепенное увеличение их числа, то у вторых количество их форм снижается. В настоящей главе разбирается подробно функциональная динамика выше приведенных наречных форм в исследуемых текстах служебных миней. Что касается форм типа *внутрь*, они понимаются учеными как результат существования и действия формальной модели, которая позволяет осознать такие образования не как именные, а как наречные формы. Причиной невозможности однозначно квалифицировать форму на *-ь* в древних текстах является ее разнообразная синтаксическая функция: образования выполняли функцию у приименного атрибута, и предиката, и приглагольного определения, а в ряде случаев и собственно синтаксического объекта или субъекта. На основании проанализированных текстов автор приходит к выводу, что старославянские и древнерусские образования на *-ь* следует возводить к первичным именам с широкой определительной семантикой, функционировавшим в первую очередь в качестве предикатов, а также приименных и приглагольных определителей. Он полагает, что словообразовательной базой этих форм на *-ь* послужили древние синкретичные имена, входящие в группу на *-i*. Таким образом, он считает неправильным вывод А. Мейе о том, что „прилагательные на *-i* были утрачены уже в общеславянский период“, поскольку они употреблялись как многофункциональные характеризующие имена, но модель была непродуктивна во многом в силу своей формальной неопределенности.

Одним из способов специализации первичных имен являлось осложнение их при помощи суффиксов с компонентом *-н-*. Довольно многочисленной группой производных имен на *-ь* была группа образований с суффиксом *-ьнь*, ср. *древальнь, оутрьнь* и под., и с суффиксом *-ьнъ*, ср. *изредьнъ, соугоубьнъ* и др. Генетическое родство этих суффиксов у ученых не вызывает сомнений. По мнению автора, двоякая соотношенность прилагательных – с производящими синкретичными именами на *-ь* и с производящими именами с твердой основой – явилась одной из причин функционирования суффиксов *-ьн-* и *-ин'* в сфере производных как с временным значением, так и с иным (ср. *окольніи* и *окольнымъ, горьнии* и *горьнымъ* и др.). Что касается образований с суффиксом на *-ьнь*, он встречался в первую очередь на русской почве только у членных форм. Однако чем ближе к XVII в., тем шире становится круг наречных основ этой сферы, охваченных суффиксом *-ьнь*. Автором этот факт связывается с тем, что данные формы на *-ьнь*, выражающие пространственное и временное значение, были продуктивны в говорах, далее с привлечением все большего количества разнообразных письменных источников, в которых параллельные исследуемые формы были зафиксированы.

Соотношенность с прилагательными как производящей базой для наречия, а тем более образование все новых наречий от прилагательных могло стать возможным только после окончательного формирования класса прилагательных как специально номинативного средства для выделившегося понятия о признаке. До того времени наречия производились от имен с широкой синкретичной семантикой, включающей в себя понятие о пространстве, и о времени, и о образе действия и т. д. Проведенное исследование позволило выявить еще один признак, по которому можно судить о степени сформированности категории имени прилагательного в русском языке – это активность использования в древнерусских текстах одноосновных именам прилагательным наречий. С установлением изменяемых классов слов источником пополнения наречий стали падежные формы субстантивированных и прономинализированных дейктических слов. На этом этапе и возникает такой способ образования наречий, как адвербиализация.

Вслед за каждой главой помещены „Выводы“ (ср. с. 76–77, 153–155, 257–261), в которых подытоживаются отдельные результаты исследования.

В „Заключении“ (с. 262–263) автор сжато и в обобщенном виде описывает рассматриваемую проблематику.

Следует содержательный список литературы („Литература“, с. 264–296) и словарей („Словари“, с. 297).

К работе присоединены три приложения („Данные о количестве определительных слов и их употреблений в текстах служебных миней“, с. 298–350; „Количественные данные о наречиях в старославянских и древнерусских рукописях /по данным словарей/“, с. 351–367; „Процедуры установления абсолютных и относительных количественных данных в больших объемах текстового и лексикографического материала“, с. 368–385).

Далее приводятся список источников („Источники“, с. 386–387), из которых взят материал для исследования, и список употребляемых сокращений („Сокращения“, с. 388–389). Содержание помещено в начале книги („Оглавление“, с. 3–4).

Проведенное исследование показало, что тексты богослужебного содержания являются не только полноценным источником для анализа языковых процессов, но и в ряде случаев незаменимыми вследствие своей жанровой природы. Автор уверен в том, что именно эти тексты были тем „полигоном“, на котором изменялись и развивались многие особенности русской грамматики. Принципиально важным является вывод автора о взаимообусловленном развитии в древнерусском языке всех определительных категорий, об их постоянном взаимодействии в процессе категориальной специализации.

Алеш Бранднер

Juraj Dolník, Eugénia Bajzíkóvá, Josef Mlacek, Elena Tomajková, Pavol Žigo: *Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny*. Filozofická fakulta Univerzity Komenského 1999, Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FIF UK, 165 s. (ISBN 80–85697–99–8)

Publikace *Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny* (dále jen *Princípy*) je programovým pokusem o nový prístup k lingvistike slovenštiny. Pokus o nové vidění lze dělat v podstatě dvojmým způsobem. Buď bez teoretických proklamací posouvat optiku problematiky jinak, než bylo dosud běžné, posouvat význam zavedených pojmů a v případě potřeby vytvořit nové a posléze sumarizovat teze či pojmenovat nové přístupy. Takový postup bývá často označen za nový či odlišný až po čase nebo po několika příbuzných studiích, kdy je již rozdíl v disciplíně patrný. Druhý způsob tkví ve vyhlášení nových obecných zásad, tezí či platformy předem, nastíní se, jak a čím se budou naplňovat, a začne se podle nich pracovat. Slovakistika se dala, jak se zdá, druhou z cest. V rámci výzkumného programu zaměřeného na principy stavby, vývoje a fungování slovenštiny autoři žádají, aby se „výskum slovenského jazyka výrazne posunul smerom k jeho explanačnolinguistic-kému uchopeniu. Vývin poznávania slovenčiny dospel k bodu, pri ktorom sa do pozornosti jazykovedcov čoraz naliehavejšie vtierajú otázky smerujúce k vysvetľovaniu opísaných prvkov, jednotiek a štruktúr. ... pojem explanácie zahŕňa vysvetľovanie na kvalitatívne odlišných rovinách.“ Další výzkum slovenštiny stojí před úkolem, aby se slovenština „systematicky skúmala z pozície explanačnej lingvistiky a aby sa vysvetľovanie neobmedzovalo len na vývody, pri ktorých vystačíme s empirickými zákonmi.“ Toto poznávání slovenštiny vyžaduje, aby „epizodické vysvetľovania jej stránok v rámci deskripcie prerástli do sústavného explanačne zameraného výskumu orientovaného na teoretické zákony. Cesta k systematickému explanačne zameranému uchopeniu